

Михал Михалич. 92. Розворот пам'яті

Я у себя. Со своим городищем

Михаил Жванецкий — «Я и Украина»

Ну что для меня Украина, если я живу здесь июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь. Пока не сравнивается погода. Когда сравнивается — перелетаю.

Я здесь родился.

В энциклопедическом словаре 1998 года на странице 396 есть «Жванецкое городище трипольской культуры у одноименного села на Украине, Хмельницкая область».

Так тысячу извинений, кто я такой? Кроме того, что еврей. Конечно, украинец.

Наша любовь с Украиной взаимная. Я и не знал, что есть Жванецкое городище.

Было бы приятнее, чтоб в мою честь. Но и меня в его честь тоже хорошо. Понятно, откуда человек, и ему просто не крикнешь: «Езжайте к себе!»

Я у себя. Со своим городищем. Я никуда не уеду.

Подарил мне город Одесса землю, построил я на той земле дом, где окна заполнены морем наполовину.

На вопрос, что меня связывает с Украиной, хочется ответить: «А что вас связывает с родителями?» Откуда я знаю? Что-то связывает.

Вот похож — во-первых.

Потом это — характер южный, такой же психованный, но не злой.

Кушают то, что они: борщ, селёдку, кашу гречневую с подливой и котлеты. Вареники с картошкой и луком и тоже с гречкой. Колбасу кровяную, жареную в собственном жиру. Рыбку небольшую, чтоб на тарелке и хвост и голова, а не кусок фюзеляжа.

Одессу люблю. Киев люблю, Днепропетровск уважаю. Ялту люблю. Севастополь, Харьков, Донецк.

Выходишь на сцену и не надо ничего объяснять.

И никто не просит помедленнее.

Что еще меня связывает с Украиной, кроме еды, моря, воздуха, юмора... Видимо, люди, с трудом живущие на ее земле.

Мы же не уехали когда-то сами. Нас же выгнали. Карцева, Ильченко и меня.

Тут такие ребята руководили — не спасешься. И стали мы искать. Нашли целую одесскую колонию — «одеколон», образовали Всемирный клуб одесситов.

И теперь куда бы мы ни перемещались по всему земному шару — мы в пределах Всемирного Клуба одесситов.

Как встретишь человека, который на каждом языке говорит с акцентом, который, перед тем как обратиться, стукнет в живот, а после того, как выскажется, толкнет в спину — это член нашего клуба.

А кто еще вслед красивой женщине будет смотреть с таким огорчением, что все ясно?! И что возраст. И что внуки. И что дети. И что не догнать. Хотя если б она дала слово сказать... Просто так... Она была бы моей через тридцать пять минут.

Это член нашего клуба.

Клуб только узаконил своих. Первые члены клуба появились двести пять лет назад и размножились по всему миру.

Что связывает меня с Украиной?

Как люди здесь живут, вы знаете лучше меня.

А хоть дурная, но стабильность.

Хоть партий много, а фашистов нет. Войн нет.

Не мешало бы личностей ярких побольше, так их недаром Москва забирала, да и Киев не жалел.

А что Одесса, что Киев — поднимаются потихоньку, сам видел.

Отодвинуть облако...

Валерий Хаит

— Весело ли в раю?

— Теперь весело...

Как все мудрецы, любящие жизнь и воспевающие ее, Михал Михалич не мог не думать о смерти. И не писать о ней...

Особенно в последние годы.

Вот, скажем, на мой взгляд, абсолютно гениальное:

«Казалось бы, ...все же великие ушли. Ну?.. И ничего. Живут.»

Жванецкий каждое лето приезжал в Одессу и много и с удовольствием писал. Известно, что он ежегодно обновлял программу. И обновлял ее именно тем, что написал дома.

Я ему иногда звонил. Чтобы не мешать, не часто.

Но всегда при этом спрашивал:

— Надеюсь, оторвал?!

Ему нравилось...

Перед возвращением в Москву он обязательно читал новое во Всемирном клубе одесситов. Проверял...

Как литератор, Михаил Жванецкий всю жизнь рос и менялся. Впрочем «рос» — это не совсем так: он всегда, с первых написанных им строк был очень высоко. Менялся — да.

Сперва, блестящий афористичный юмор, уникальное умение органично совмещать его с лирикой, феноменальное умение рисовать портреты прямой речью, талант петь жизнь со всеми ее радостями и печалью, воспевать любовь, подстать большим поэтам...

Постепенно все поняли и почувствовали, что Михаил Жванецкий не просто автор-исполнитель, а большой писатель и философ — создатель нового синтетического жанра.

Его речь ушла в народ. Как у Пушкина, Чехова, Зощенко.

И останется в нем навсегда.

Вот одна из фраз Жванецкого последних лет:

— Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один.

До чего же остроумно и одновременно печально, согласитесь! Помнится, в марте 2019 года, когда ММЖ исполнилось 85 лет, я написал: «Мне в жизни точно повезло: меня много лет дарит дружбой Михал Михалыч Жванецкий. В последние годы я стал ему каждый раз говорить: «Дорогой Миша, годы пусть идут, а ты не торопись!»

Даже надоел ему с этой фразой!

Но потом понял, что она бессмысленна. Поскольку Михал Михалыч по своей сути не спринтер, а стайер. То есть, бегун на длинные дистанции.

Участвовать в одном забеге с ним в качестве отстающего — огромное удовольствие. И удача!

Потому что когда ты бежишь за лидером, видишь, как он впереди маячит, то всегда уверен, что бежишь правильно!

Впрочем, Михалыч — стайер особенный. Да, он всегда бежит первым, но что удивительно, финишная лента от него всё отдаляется и отдаляется...

И вот случилось то, чего никто не ожидал: далеко опередивший всех, Михал Михалыч Жванецкий завершил свой триумфальный бег и разорвал финишную ленту.

Длинная дистанция его жизни закончилась.

И теперь победитель — Жванецкий, привычным триумфальным жестом воздев над собой сжатый кулак, стоит на высшей ступеньке пьедестала.

Стоит. И рядом — никого!

Если Михал Михалыч кому-то и служил, то только своему таланту.

И талант ему за это платил сторицей.

Это именно талант за него писал, говорил, выступал на сцене, прославлял жизнь, дерзил сильным мира сего, радовал публику, покорял женщин, множил друзей, сеял добрые чувства. И когда автору закрывали рот, его талант тоже не замолкал ни на минуту. Он продолжал свое благородное и бесстрашное дело.

И при этом год за годом, том за томом и концерт за концертом пел веселый гимн человеку, помогая ему хоть как-то мириться с несовершенством мира.

В последние годы Михаил Жванецкий, оставаясь невероятно актуальным, говорил и о вечном.

А с кем говорят о вечном, я думаю, вы догадываетесь.

«Отодвинули облако и спросили:

— Ты ее любишь?

— Да...»

Не знаю, как для вас, а для меня в этом «Отодвинули облако и спросили...» — вся гениальность автора.

Я бы и книгу воспоминаний о Жванецком предложил назвать: «Отодвинуть облако...»

Будем помнить. Не забывая...

Мы живём его цитатами

Сергей Гриневецкий, почётный гражданин города Одессы и Одесской области. Выступление на вечере памяти к 91-летию М. М. Жванецкого

Сами того не замечая, мы прожили большую часть жизни и продолжаем жить по цитатам Жванецкого, как завещал Великий Жванецкий. Поэтому начну именно так.

«Нет, что-то есть в этой почве. Нет, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю»

Так вот. Позволю себе смелость перефразировать: Нет, что-то есть, в этой дате — 6-е марта.

Ведь этот день подарил миру таких писателей-философов, одаренных тонким юмором, как Станислав Ежи Лец, Габриэль Гарсиа Маркес, Фазиль Искандер. Поэтому вполне закономерно, что Михал Михалыч дополнил эту линейку гениев и появился на свет именно в этот день.

Сегодня выдающийся писатель и человек, а скорее, современный философ и мыслитель Михаил Жванецкий отметил бы свой 91-ый день рождения.

Мы действительно живём и говорим его цитатами — лаконичными, острыми, саркастичными, так же, как кинематографическими крылатыми фразами Гайдая. При чём говорим все: невзирая на пол, возраст, социальное положение — что называется и высшее политическое руководство и одесские биндюжники, и чистильщики рыбы на Привозе.

Кстати, и те, и другие, и третьи зачастую думали, что это народное творчество. Да это и неудивительно, ведь все произведения Жванецкого основывались на реалиях и фактах, в них не было ни фальши, ни лжи. А главное, в его зарисовках каждый узнает себя.

Читая его, ты просто всеми фибрами души ощущаешь и осознаешь, что Маэстро заботился о государственном строе, о стране и людях, не меньше, если не больше, чем члены Политбюро и депутаты.

Цитата: «С будущим президентом —

контракт!» он нам обеспечивает безопасность, свободу слова, правосудие, свободу каждому человеку и покой, то есть долго-временность правил.

А кормежка, заработок, местожительства, образование, развлечение и работа — наше дело. И все. Мы больше о нем не думаем. У нас слишком много дел!»

Написано в 90-ые, а свежо в 2025-м, будто только-только чернила просохли. Или еще.

«Когда знаешь как, умеешь, но уже не можешь сам — ты тренер.

Когда знаешь как, умеешь, не можешь сам, но можешь научить — ты профессор!

Когда не знаешь как, не можешь сам, не можешь научить, но можешь наказать, если эти суки сделали не так — ты Президент!»

Как и миллионы людей, я был и остаюсь поклонником Михал Михалыча. Но мне, как и многим здесь, повезло ещё и быть знакомым с ним.

Познакомились в 82-м году, когда Михал Михалыч участвовал в концерте, посвященном Дню города Раздельная.

Да, было и такое! Я, 25-летний, молодой первый секретарь райкома комсомола, ответственный за мероприятие со всеми вытекающими последствиями, включая шестой вопрос повестки дня.

Он — уже популярный, востребованный, желанный на любых концертных площадках.

С тех пор встречались каждый год. Болтали, обменивались мнениями, взаимно обогащались. Конечно, обедали и ужинали. Любили заглянуть в первую кооперативную пельменную на 16-ой Фонтана.

Без ложной скромности скажу, что порой то, что обсуждалось в наших личных беседах, я позже встречал в его монологах. Я для него был своеобразной лакмусовой бумажкой.

Кстати, поздравление, которое Михал Михалыч посвятил 80-летнему юбилею Александра Ширвиндта, тоже взяло истоки из одной из наших бесед. Я ему сказал: «Время деньги, а денег нет». А он написал помните, «Время — уже не деньги, так как деньги есть, а времени нет. Откуда деньги? Минус девушки, минус ресторан, минус одежда, минус мечты, а плюс — ничего не надо».

Я с гордостью вспоминаю, как учил маленького Митьку плавать. Что это за одесский ребёнок, который не умеет держаться на воде?

Интересная вещь. Когда начинаешь вспоминать Михал Михалыча, трудно остановиться. Память ежесекундно подбрасывает новые, яркие моменты, будто кадры любимого кино...

Помните его: «Меняю яркие воспоминания на свежие ощущения?»

Маэстро парадокса, Патриарх юмора, Человек-легенда, и просто одесский парень, — он прожил красивую, наполненную до краёв жизнь.

И, несмотря на почтенный возраст, не стал стариком. «Хватит кому бы то ни было когда бы то ни было распоряжаться нашей жизнью. Каждый сам знает, когда ее закончить» — утверждал Мастер.

Говорят, нет Пророка в своём отечестве. Нет, он есть и имя ему Михал Михалыч Жванецкий.

Кто он такой этот Жванецкий?

Александр Бирштейн

— Жванецкий? Да, кто он такой? — ругаются некоторые, узнав, что сегодня праздник. — С какой стати его праздники отмечать? — недоумевают они.

А мы выпили, закусили, снова выпили. И так до кондиции.

А приди в кондицию сами:

— Да, действительно, кто этот Жванецкий такой?

— Гений! — услужливо подсказывают откуда-то, откуда наливают.

Но это мы и сами знаем!

Но... Почему гений? Отчего гений? Зачем гений?

И это все на нетрезвую голову.

Разбираться будем?

— Будем! Еще как будем! — обнадеживает кто-то, кому уже наливать перестали. И засучивает рукава, если может их достать.

Веселит Жванецкий? Еще как веселит!

И что?

А то, что плакать потом хочется. И не от смеха. От мысли.

А это хорошо? Кому как!

С какой радости его тогда слушать? Если думать неохота и все равно грустно...

Может, почитать? Еще хуже.

Слезы на глазах. И откуда он такой взялся?

Все видит, все слышит, все понимает...

Мало того, еще и высказать может!

Нет! Нашему человеку это не по силам. Значит, он не наш человек!

Уф-ф... И сразу легче стало. Не наш, тогда конечно.

И как сразу не догадаться?

Опять же, наш человек говорить

станет, что все вокруг и, особенно, вдали — тупые. И тексты воровать, при случае.

А у Жванецкого хрен украдешь. Послушают секунд тридцать и пальцами показывать станут. А не дойдет, так и побить могут. И все равно пальцами вертеть станут. Уже побив. Палец у виска покрутят — мол, мишигине коп — и пойдут себе.

А, кстати, вы заметили, что даже мишигине от Миши происходит? Он — Миша, а все, кто его обидеть стараются — мишигине. Справедливо!

Теперь о его внешности поговорим.

Высокий? Вроде, нет...

Стройный? Ни, Боже мой!

За что же его все женщины любят?

— Что? Невсе? А-а, понял — некоторые просто

обожают!

Такие, как он, рождаются раз в сто-двести лет.

Один в 1799 году в Москве. Если, кто

не помнит, Александром звали.

— Ночной зефир.

Струит эфир.

Шумит

Бежит

Гвадалквивир.

Другой в 1938 в Москве опять... Величали,

опять же, ежели забыли, Владимиром.

— Устал бороться с притяжением земли — Лежу, — так больше расстоянье до петли...

Третий — Михаил Михайлович наш! — в 1934 в Одессе.

А как же?

— Ночью, когда он гасил свет, на него наваливалась жизнь.

Он хрипел и ругался.

Нет, конечно, были еще гении. Но эти...

И так всегда. Когда наваливается жизнь, мы вспоминаем о нем.

жизненная слава Михаила Михайловича переходит постепенно в легенду о нём. Переходит сложно, как у любой сложной и масштабной личности, у любого гения. Особенно с учётом политической ситуации. С учётом войны.

Ведь он был плотно от плоти Одессы, любил её всем сердцем и даже в своих поздних интервью в вопросах о ней категорически не замечал политики, а говорил только об одесской кухне, воздухе, море: «Я мечтаю иметь маленькую комнату и окно, наполненную морем».

Казалось, он был в нашей жизни всегда. Я вырос со Жванецким. Его цитировали наши родители и их друзья, его показывали по телевизору, мы ходили на его концерты; афиши с его именем висели в Одессе месяцами, даже после концертов их никто не снимал — это казалось кощунственным. Сейчас я понимаю, что его присутствие было всеобъемлющим и потому незаметным. Его фразы становились нашими мыслями, и казалось естественным то, что Жванецкий всегда был, есть и будет. Ну выходит же каждое утро солнце.

Но времена менялись. Менялись радикально. Страны, о которой он писал, текстами о которой прославился, не стало. И через несколько лет после падения советского монстра стало казаться, что юмор Жванецкого уже неактуален. Что пришло время созидать, а не насмехаться и подтрунивать. Что молодым он уже неинтересен. Что о нём скоро забудут.

У любого великого мастера есть периоды такого забвения. Выхода из моды. Но возвращение часто оказывается триумфальным. Жванецкий вернулся философом. О ранних его миниатюрах говорили, что их нельзя читать, а можно только слушать, причем лишь в исполнении его самого и еще нескольких великих артистов — Райкина, Карцева, Ильченко. Действительно, что-то магическое было в его словах.

Что-то такое, что заставляло замирать — затаив дыхание и ловя каждое из них — огромные залы. Конечно, все эти выверенные до последней запятой монологи писались для чтения вслух. Весь их идеальный ритм рассчитан на это. Но... достаточно открыть любую из его книг и зависнуть от восторга на любой странице, чтобы понять, что это не так. Тексты Жванецкого — особенно поздние — можно читать, перечитывать и, как обычно, цитировать. Собственно, эссе о нем можно составить из одних его цитат.

Как осмыслить, кем же был Михаил Михайлович? Писателем-сатириком? Но сатира сиюминутна, а фразы Жванецкого — вне времени. Как назвать то, что он писал? Миниатюры? Юморески? Притчи? Эссе? А его самого? Если не сатириком — то артистом эстрады? Писателем? А может быть, философом? «Ничто так не ранит человека, как осколки собственного счастья», — разве это сатира? Или это: «Отсутствие воспитания помогает говорить. Наличие — слушать».

Мне кажется, пройдут годы, и легенда о Михаиле Михайловиче изменится.

И родится легенда о мудреце, чьи мысли победили время.

Прикосновение к гению

Алексей Ботвинов

Когда я был еще одесским тинейджером, имя Жванецкого уже имело статус живой легенды. Конечно, «большое видится на расстоянии», и, наверное, мы еще не до конца осознаем масштаб дара и личности Жванецкого. Но то, что его талант уникален и стоит особняком, было ясно еще в конце 70-х.

Меня с юности поразило, что это было очень смешно, остро, и в то же время невероятно философски насыщено. Моя первая встреча с Жванецким произошла во Всемирном Клубе Одесситов в 2005 или 2006 году. Мне это показалось чем-то похожим на аудиенцию с особой королевской крови. Я воспринимал его как негласного, но неоспоримого, Главного Одессита.

Меня попросили поиграть несколько произведений Рахманинова. После исполнения мы поговорили, и я услышал один из самых запоминающихся для меня комплиментов. Жванецкий сказал, что ему впервые очень понравилась, глубоко тронула музыка Рахманинова. Он рассказывал, не только мне, но и всем присутствующим, что недавно был на концерте Хворостовского, и там ему Рахманинов совсем «не пошел». А сейчас — восторг. Я был, конечно, безмерно счастлив и горд...

Что сказать сейчас, когда Михаил Михайлович нет с нами? Его очень не хватает. И мне представляется что истинная суть гения Жванецкого — это не юмор или сатира, но философия парадоксального, цепкого, уникального свойства. Я очень счастлив что крайние 15 лет стал членом того сообщества, которое имело честь общаться с Жванецким.

Мы все знали, что несколько раз в год Михаил Михайлович неизменно приедет в Одессу, и будет читать все новое для нас, проверять на нас качество нового материала. Он обсуждал свое творчество, да и все что происходит в мире, с нами — очень открыто, искренне. Эти встречи были забываемыми. Потому что каждый раз — ну буквально каждый раз после общения с Жванецким оставалось чувство прикосновения к чему-то особенному, невероятному. Его гениальный ум выдавал нестандартные идеи просто поминутно. Это был бесценный опыт и огромная радость. Ведь прикосновение к Гению — это всегда счастье. Не так ли?

Большое видится на расстоянии

Евгений Деменок, член Президентского совета ВКО

Казалось бы, банальная фраза, которую все мы знаем с детства. И тем не менее каждый раз убеждаемся в её правоте.

Когда в пятницу 6 ноября 2020 года в социальных сетях, а потом во всех без исключения СМИ разнеслось известие о смерти Михаила Жванецкого, в это поначалу невозможно было поверить. Да, мы понимали, что ему уже семьдесят шесть. Да, мы знали, что он объявил об окончании карьеры, о прекращении выступлений. Но ведь ещё совсем недавно он летал по разным городам и странам и с лёгкостью давал блестящие двухчасовые концерты.

С тех пор прошло почти пять лет. И оглушительная при-

Музей-квартира в городе-музее

Игорь Лосинский

Любой, кто пытается писать о Михаиле Михайловиче Жванецком, непременно сталкивается примерно с одними и теми же проблемами. Но от этого не менее мучительно-поучительными трудностями. Да, довольно живо можно написать практически о любом творческом или по-другому замечательном человеке — художнике, учителе или дрессировщике в цирке. Но писать о том, кто ещё при жизни стал, что называется, иконой стиля — того самого, что он создал своими невероятными текстами и своей удивительной жизнью — это значит воленс-ноленс, пусть слегка, но подражать его свободе словоизъявления, его изящному, приводящему к гомерическому хохоту, то к грустной улыбке юмору. Жванецкий просто обязывает тебя писать «на уровне». Однако юмор, как известно, «это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умён одновременно». А у нас как? — то состояние не то, то время подкачало. И его взгляд на жизнь, который можно определить как «вовлечённо изнутри-отстранённо сверху» в принципе, скопировать и изобразить на бумаге, но это редко кому удаётся в реальном мире, особенно вот это «отстранённо».

Ну что ж, наберёмся жванецкой дерзкой ясности мысли и слога, и вспомним о нём в его День рождения. Для начала, отправимся прямо к нему домой — на улицу Старопортофранковскую, 133, благо в эти гости можно приходиться без приглашения. Двери музея-квартиры, который был создан по просьбе вдовы писателя Натальи Жванецкой в 2021 году, открыты всегда и каждому. Более аутентичный район прежней Одессы найти сложно. Совсем рядом шум и прелести Привоза, домики под номером 137, где родился будущий классик и насмешник Илья Ильф, а также величественный, на восьми колоннах с коринфским орденом бывший кинотеатр «Родина», ныне «Семья». Скромный дворик. Рядом с его чугунными воротами когда-то висела весёлая мемориальная доска с цитатой из «Холеры в Одессе», но сейчас её сняли и бодро куда-то дели граждане, во всём этом сильно заинтересованные. Об этом уже было сказано: «Когда собирается много людей, теряешь чувство юмора, это всегда вызывает дикий смех у тех, кто за этим наблюдает».

Дом, квартиру в котором дали семье фронтовика в памятном 1945 году, просто классическое чудо одесской архитектуры. Двухэтажный, с роскошной ветхой деревянной галереей а ля Италия по периметру. Эти галереи создают уникальную атмосферу

единения и уюта, будучи и кухнями, и клубами для общения, и наблюдательными пунктами. «В Одессе не говорят: „мой дом“ — говорят „мой двор“».

Нужно сказать, что энтузиасты проявили огромное терпение, такт, упорство, чтобы отремонтировать эту «мамину квартиру», которую, увы, не пожалело время. Зато теперь она выглядит так, как во времена маленького Миши — просто, даже аскетично, но достойно и уютно. Сохранилась мебель, фотографии, книги. «Белеет парус одинокий», «Как закалялась сталь», «Герой нашего времени», Джек Лондон, Жюль Верн — в те времена мальчишки ещё любили и читали литературу. Кроме знаменитого «портфеля Жванецкого» здесь занимает своё почётное место более скромный «диван Жванецкого». Этот предмет интерьера видел многих замечательных людей обоёго пола; одни оставили об этом свои воспоминания, другие предпочли скромно умолчать. Именно в этих стенах формировался будущий лирик и бунтарь, философ и каверзник, восхвалитель и отрицатель.

Есть авторы, которых читают. Есть авторы, которых изучают. И есть ММЖ, которого невозможно ни просто читать, ни просто изучать. Его приходится внимательно и восхищённо слушать, даже когда перед глазами текст. Потому что Жванецкий — это не только литература. Это интонация, превращённая в жанр. Отсюда феномен: читая Жванецкого, мы слышим его голос. Особенно ясно это чувствуется как раз в его квартире. И возникает редкое чувство: автор не «был», а «вышел ненадолго», скажем, во двор, потолковать с соседями за жизнь.

Жванецкий оказался идеальным носителем и разносителем нашего исконно-посконного, стремительно уходящего одесского языка. Его тексты словно впитали эту волшебную словесную ткань (смесь шёлка и парусины): короткие реплики, вкусные словечки, парадоксальные логические кульбиты. Одесская речь — это всегда немного театр. Даже бытовая фраза звучит как реприза. Жванецкий сумел сделать эту интонационную культуру достоянием широкой, в масштабе одной шестой части суши и дальше, общественности.

Формально Жванецкий — мастер миниатюры, а фактически — создатель особой литературной конструкции. Его тексты редко строятся как традиционные шутки, с обязательными «подводками» и «ударной концовкой». Вместо этого — постепенное нарастание абсурда, смысловое скольжение, музыкальная драматургия. «Опыт — это когда всё уже было, но радости нет». В письменном виде — афоризм. В устном — философская трагикомедия длиной в одну секунду.

Его фразы часто построены как мысль, которая ещё не решила, чем закончится. «Нормально делай — нормально будет. Хотя... нет гарантий». Здесь работает не столько юмор, сколько структура мышления. Первая часть создаёт иллюзию рациональности, вторая мгновенно её разрушает. И между ними — вся человеческая природа. Именно в этом разрыве возникает смех. Это литература жизни, парадоксальная во всех её проявлениях, от бытового пьянства до высоких материй.

«Если вам говорят, что вы многогранная личность, не обольщайтесь. Может быть, имеется в виду, что вы гад, сволочь и паразит одновременно». Это не насмешка. Это констатация. Почти антропология. Жванецкий вообще редко высмеивает конкретного человека. Объект его пристального нешуточного профессионального внимания — система нелепостей, в которую одинаково включены все: государство, общество, автор, слушатель. И, как ни странно, именно поэтому смех становится объединяющим.

Жванецкого часто называют сатириком. Но его тексты гораздо ближе к философскому эссе — только предельно сжато.

Причём для этого не надо мудрствовать лукаво и баловаться терминологией. Как много можно объяснить языком повседневным.

«Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один».

Это, по сути, чистая философия. Вопрос, сформулированный с обезоруживающей краткостью, и фирменной грацией.

Настоящая литература отличается странным свойством — она отказывается стареть. Летят десятилетия, кромсается история, на смену кисло-сладкому социализму тихой сапой опять пришёл коварный и диковатый капитализм. Однако механизмы абсурда демонстрируют завидную стабильность. Поэтому, хотя Жванецкий всегда писал о вполне конкретных обстоятельствах, так связать, «на злобу дня», его тексты неумолимо сохраняют и сохраняют актуальность, благодаря не только универсальности обстоятельств и их круговращению в нашей брэнной жизни, но и пристальности его наблюдений и глубине анализа.

«Страна у нас богатая. Люди бедные. Видимо, кто-то пользуется». Да, Жванецкий не сторонний наблюдатель и «небожитель». Он пристрастен, непримирим и временами даже жесток. Но юмор его удивительно мягок. И он остаётся близким, своим, даже в самых мрачных и безжалостных своих откровениях и пророчествах.

Жванецкий давно стал неотъемлемой частью нашей культуры. Он — часть нашего неумолимого скепсиса и неистребимого оптимизма. Его фразы перестали восприниматься как цитаты. Он живёт в своих книгах, а книги живут в нас. Наверное, это и называется бессмертием.

Мы обговаривали эту, ещё будущую, статью, сидя в квартире-музее и мечтая о тех временах, когда экспозиция заработает в полную силу. Для всех и каждого. Как музей этого заслуживает. Задача ясна. Сохранить, охранить и бережно передать сокровища духа из рук в руки тем, кто готов их принять, тем, для кого они важны, как воздух, как наш одесский воздух, напоенный морем, степью, историей и тихим смехом. Здесь особенно ясно понимаешь эту простую сложную вещь.

